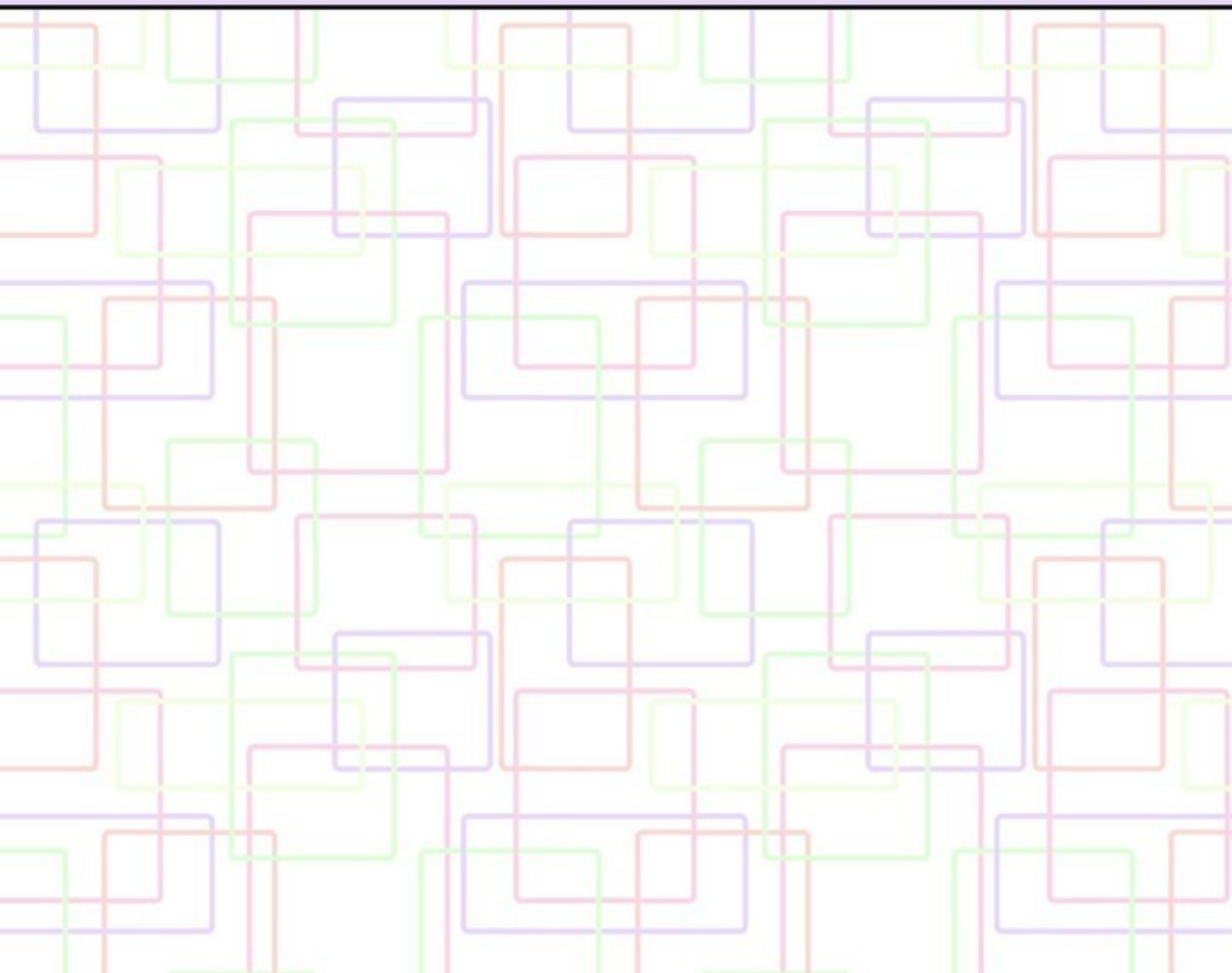

Сергей Степанов-Прошельцев

Я весенний посол

Сергей Степанов-Прошельцев

**Я весенний посол. Седьмой
сборник стихов поэта**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Я весенний посол. Седьмой сборник стихов поэта / С. Степанов-Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500903-6

Новый сборник стихов поэта — седьмой по счету. Он как бы подводит черту творческим исканиям. В нём отражается его внутренний мир, который созвучен с тем, в котором мы живём. Но Сергей Степанов-Прошелецев страстно хочет, чтобы он был лучше и чище.

ISBN 978-5-00-500903-6

© Степанов-Прошелецев С.

© Издательские решения

Содержание

Волшебство	6
СТАРАЯ РИГА	10
РАССТРЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН	12
ЧУДИКИ	14
КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ	16
ШУРФ ШАХТЫ №5.КРАСНОДОН	17
ПОСЛЕДНИЙ ГОД ДЕТСТВА	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Я весенний посол Седьмой сборник стихов поэта

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0903-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебство

Он все на свете сделать мог —
заезжий фокусник из цирка.
Он превращал часы в цветок,
в бумаге исчезала дырка.

Конферансье бледнел, как мел,
в кармане находя касторку.
И я ладоней не жалел,
изнемогая от восторга.

Но меркли эти чудеса
на улице, где небо ало,
где, как тугие паруса,
афиши ветром раздувало.

Там, белой дымкой скрыв дома,
на клумбы и на кучи щебня
неслышно падала зима,
и не было её волшебней.

* * *

Я знал, что всё когда-то надоест:
и жизни смысл, и фон — сплошная серость.
Не помогала перемена мест,
не помогала чинная оседлость.

Я безвозвратно что-то потерял
в безумной спешке, в показушной сшибке.
Ошибок прежних я не повторял —
я просто делал новые ошибки.

Порой непостижимые уму,
возможно, сотворённые невинно,
и выход я ищу не потому,
что выхода по-прежнему не видно.

А потому, что маетно опять,
когда подует влажный ветер с юга.
Когда душа не знает, что искать,
тот поиск станет гонкою по кругу.

Кто объяснит, в чём этот тайный смысл?
Молчат гадалки, не поют сирены.
И смысла нет. И отступает мысль
перед великим хаосом Вселенной.

* * *

Как очутиться снова в стране
ветрениц-недотрог?
Тропку б найти в том мире, где нет
больше укромных троп.

Там где сутулые плечи скал,
вислые ветки ив...
Эту страну я всю жизнь искал —
мой неземной наив.

Там буду счастлив и одинок и
ничей протеже,
там от судьбы получить пинок
я не смогу уже.
И не покажется мне странней,
чем этот сон шальной,
если я верю этой стране —
той, что всегда со мной.

* * *

Это всё из памяти вынь,
позабудь, довольно потерь,
осторожный шорох листвы —
так крадётся лунная тень.

Эту морось — мелкий кунжут...
Стороной, прошу, обойди
осторожный шорох минут,
затянувшийся, как дожди.

От грозы обнажился лёсс,
хмарь накатывает с утра...
Обойдёмся давай без слёз:
в долгих проводах — боль утрат.

Но прошедшего не вернёшь,
хоть оно, сотворив кульбит,
нескончаемое, как дождь,
острым клювом меня долбит.

И не спрятаться под плащом,
не зарыться зимой в снегу,
даже если буду прощён,
даже если себе солгу.

* * *

Нет, не синоптик держит этот пульт.

Вновь свора гроз меня встречает лаем.
Какой-то бес вселяется в июль —
как шизофреник, он неуправляем.

Всеобщий стресс, мистический испуг,
какая-то вселенская морока,
он давит, словно грузовик, толпу,
военные суля перевороты.

И где тут правда, где зарыта ложь?
И солнце светит, как со дна колодца,
но, вероятно, очищения дождь
без молнии и грома не прольётся.

* * *

Мы мыслим доскрипеть до будущей весны.
Бессмертия не ждём. Но есть всему основа:
круговорот во всём. Конечно жизнь звезды.
У жизни нет конца — она возникнет снова.

Пусть в мире только тьмы холодный антрацит,
но, верь, произойдёт какой-то странный казус.
И снова грянет взрыв. Настанет новый цикл,
исканий и потерь — он побеждает хаос.

И ты себя за то напрасно не суди,
что краток твой приход — по сути, он мгновенный.
Ты слышишь этот звук? Ты слышишь, как в груди
звучит победный гимн ликующей Вселенной?

Перекрёсток эпох

* * *

На колпаке шута звенели бубенцы.
Кривлялся он и пел — уродство не помеха.
И, как кули с мукой, вельможи и купцы
валились под столы и корчились от смеха.

А шут торжествовал. Он знал прекрасно роль.
Смотрел, разинув рты, народ, не поняв толком,
кто шут, а кто король. Не знал и сам король.
Смеялся он — и всё. Смеялся он — и только.

* * *

Наверно, это нас совсем не красит,
но нам жалеть об этом было рано:
любили мы, увы, не одноклассниц,
а королев широкого экрана.

И спорили мы, то и дело ссорясь,
кого воспринимаем в идеале:
Софи Лорен или Лолиту Торрес,
Брижит Бордо, а может, Кардинале.

Они сожгли советскую унылость,
не ведая об этой страшной силе,
и Гурченко в подмётки не годилась
красавицам, которые курили.

Они манили, как плоды инжира,
как буря парус, что обвис без ветра.
Мы были влюблены в Лоллобрижиду,
хоть знали, что любовь та безответна.

То был гипноз. Как «Болеро» Равеля,
смущали душу кинодивы эти,
а наши одноклассницы ревели
и проклинали всё на белом свете.

У них была нелёгкая дорога,
забыть им было нужно свою зависть,
и выбрали мы тех, кто хоть немного
напоминал нам импортных красавиц.

Отсюда и разводы, и скандалы,
и ночи с укоряющими снами.
А требовалось, в принципе, так мало —
заметить красоту, что рядом с нами.

* * *

Я все дела свои оставлю,
но нам не избежать беды:
наполнены холодной сталью
глаза безумные вражды.

О, как она непримирима!
Как мир отчаянно жесток!
Во мгле порохового дыма
забыли все её исток.

Но почему со дня творенья,
забыв про братскую любовь,
достигнуть можно примиренья
через большую только кровь?

СТАРАЯ РИГА

По-осеннему рыж,
оторочен каштанов каймою,
ребра шиферных крыш
дождь заботливой нянечкой моет.

Перекресток эпох,
дом к другому склоняется дому.
Ветра горестный вздох —
может быть, он грустит по былому,
по иным временам?

Впрочем, дело, как видно, пустое:
ведь теперь криминал —
вспоминать о «советском застое».

Эта боль так остра —
как ходить по гвоздям на пуантах.
Ян и Гунар Петра
и не думали звать «оккупантом».

Ливень вымел весь сор,
сразу всех нас на вечность состарил.
Кто же тот режиссер,
что спектакль этот странный поставил?

И звенит над листвой —
шум ему площадей не помеха —
крик струи дождевой,
что умножен готическим эхом.

Мгла... И я не готов
в заповедной той каменной пуще
среди застывших веков,
как когда-то, мечтать о грядущих.

* * *

Дитя сырых прокуренных трущоб,
не зная, что у времени в опале,
ты, как Матисс, не знаменит ещё,
чтобы твои картины раскупали.

Мешок холщовый на спине, как горб...
Куда ты шёл? Зачем? Откуда вышел?
Но коль ты честен, это значит — горд
а если горд — любых злосчастий выше.

И пусть пока удача далека,
одна мечта — пусть будет только это:
подрамник, холст и кисть из колонка,
и эти краски — яркие, как лето.

РАССТРЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН

Говорят, что здесь грунт-пловун.
Я сюда прихожу один.
Здесь, убитый, я лёг в траву
с пулей маузера в груди.

Вьётся бабочек белых рой,
изумрудной травы палас...
Бутербродом с черной икрой
здесь закусывал мой палач.

У него здесь свой интерес,
он идёт, испытав аффект,
пальцы жирные обтерев
о широкое галифе.

Чьи-то дачи вокруг, сады...
Как расстрельный понять синдром?
Объяснение всему – садизм —
не исчерпывает всего.

На коленях страна стоит —
вождь усатый мух не ловил.
Мягко сказано — геноцид,
затопил он её в крови.

Это — эхо нашей беды,
и она к нам пришла во двор,
чтобы целый мир убедить
в том, что Бог на земле — террор

И строчит сын донос на мать,
рабский славит поэт режим...
Как мне время это понять?
Смысл, наверно, непостижим.

* * *

Как камикадзе, был я обречён:
бесплотный, словно звездное сиянье,
я мчался в бездну — крохотный фотон,
мельчайшая пылинка мироздания.

Я там нашёл приют, где водосток
грыз голый камень, и где пламя рдело.
И вымахнул из семечка росток —
как вызов мировому беспределу.

Я был тритоном, ползая по дну,
глядел на мир несовершенным глазом,
но цель имел исходную, одну —
и ощутил в себе великий разум.

Растет мечта из чертежей и смет,
и, сумму знаний обращая в прибыль,
я целюсь в небо стрелами ракет —
туда, откуда я когда-то прибыл.

Скорей! Скорей! К сияющим мирам.
Пусть испытаний выпадет немало,
я всё смогу. Всё, что имел, отдам,
лишь только б жизнь всегда торжествовала.

* * *

Усталый маленький король.
Сбежать нельзя — повсюду стража.
Как надоела эта роль —
который день одна и та же!

И по ночам бросает в пот:
как это страшно — быть всесильным!
А где-то женщина поет,
склонясь над старым клавином.

Под этот простенький мотив,
что, словно птичье пенье, тонок,
на землю фартук постелив,
спит неумытый поварёнок.

Швыряет золото метель
берёз на лестницы перила.
И мягче мальчику постель,
чем королевская перина.

ЧУДИКИ

Порой мы превратно судим
о самом своём родном,
и тихо уходят люди,
которым не всё равно.

Они не из тайной секты,
в руках их не красный стяг —
прогресс приближают те, кто
о чем-то своём грустят.

Ночами творят не ради
наград — это гимн уму...
Увы, наш мир безотраден —
бездушен он ко всему.

Он в нас сострадание борет,
не знает, где чья вина...
Ему не хватает боли,
а мысль рождает она.

Я славлю этих уродцев,
они мечтою больны,
в груди их надсадно бьётся
большое сердце страны.

А вражья не знает клика,
что, в общем, от их труда
пребудет страна великой
и гордой, как никогда.

* * *

Жарким светом прожектора залит,
вот идешь ты, вздыхая опять:
словно что-то, как дым, ускользает, —
то, что силишься тщетно понять.

Что-то главное, что-то такое,
что всегда безотчетно искал.
Оттого нет ни сна, ни покоя,
только смутная эта тоска.

Опустеет однажды жилище,
позабудутся правда и ложь.
Что ты хочешь? Чего ты все ищешь?
Неужели когда-то найдешь?

* * *

В сарае пахло кизяком,
а всё вокруг цвело и пело.
Не в силах шевельнуть хвостом,
он помирал — пора приспела.

Гудела в жёлобе вода.
Мир шумно жил, вращался плавно.
И словно лилия, на плавни
спускалась белая звезда.

И было страшно помирать,
и было уходить нелепо,
когда вокруг такое лето,
когда такая благодать.

КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ

Король красив, хотя и раздобрел,
хотя он — воплощение порока.
В чём красота? В алмазах? В серебре?
А может, в пышных кружевах барокко?

Камзол его изысканно-богат,
на пальце — перстень в виде скарабея...
Не может ни один аристократ
заимствовать замашки у плебея.

Он — властелин. Наверное, он бог
во Франции. На мир весь не хватило.
Представить он и в страшном сне не мог
потомка, что ведут на гильотину.

Его заслуги вовсе не спасут.
И никаких не подадут кассаций.
Есть суд людской. Порой неправый суд.
Но может он и королей касаться.

ШУРФ ШАХТЫ №5.КРАСНОДОН

Траурной много в небе парчи,
снег оседает, рыхл,
и можжевельник в голос кричит:
– Не убивайте их!

Что вы творите, в конце концов?
Горе моё, ответь.
Это же дети, дети отцов —
тех, что скосила смерть.

Спрячь, полицай, свой хмельной прищур,
волчий, сверлящий взгляд —
рот для тебя разевает шурф
шахты, чьё имя ад.

Только не дрогнет твоя рука
в пороховом дыму.
Как же ты мог, ведь ты в РККА
клялся служить? Кому?

Этот мальчишка зачем погиб?
В нём ещё столько сил...
Что поимел ты? Чьи сапоги
ты, не стыдись, носил?

День этот — словно последний вскрик,
серый январский день...
Эта война отделила вмиг
нелюдей от людей.

Мне безразлична судьба твоя,
сгинь, словно призрак, прочь!..
Рот разевает небытия
шурф, уходящий в ночь.

* * *

Паланга. Пограничная Литва.
Она – мираж в янтарном лунном свете.
Ещё шуршит опавшая листва,
но не сама — её колышет ветер.

Я никого в ту ночь не подкупал
и не хочу быть в качестве довеска,
ведь я ещё совсем не оккупант,
а гражданин мой страны советской.

И мне ещё как будто не резон
узнать, за что потом я буду изгнан,
но всё: курортный кончился сезон,
закончен и сезон социализма.

Его сошлют, как с пляжа лежаки.
Мы сдали все позиции без боя.
Теперь мы абсолютно чужаки
для этих дюн, для этого прибоя.

Накрыла нас невидимая сеть,
и мысль сверлит почище всякой дрели:
есть право жить и право умереть,
но прав на дружбу не предусмотрели.

Прощай, Литва! Был краток мой визит.
На встречу снова некорректны виды.
И разъедает память люизит
тяжёлой, незаслуженной обиды.

* * *

Эта память не набьёт оскомин,
извести её я не берусь,
если колокольною тоскою
голосит поруганная Русь.

Если низвергаются святые,
если боль с тревогой пополам,
если, как во времена Батыя,
мор гуляет по пустым полям.

И не сдать экзамена экстерном
нам на жизнь — тут разговор пустой.
Это значит: захворал смертельно
наш режим, и наступил застой.

Сожалеть, наверное, излишне,
и уже никто не виноват.
Мы оглохли. Мы уже не слышим
даже если прозвучит набат.

Разве так можно, чтоб ты – без меня?..

* * *

Мелькали дни, надежды и года,
и новый день был так похож на каждый.
Я о тебе не думал, не гадал,
не знал, что ты придешь ко мне однажды.

Но ты пришла. Стремительнее стрел
июльских молний, принятых рекою.
Как долго я, как тщательно болел
ленивой безмятежностью покоя!

Мы эту страсть теперь не утолим —
она над нами, как гроза нависла.
Спеши любить! Всё остальное — дым.
Всё остальное не имеет смысла.

* * *

Прости меня, в последний раз прости
и от себя меня не отпусти
в свободный этот без купюр режим —
там я себя почувствую чужим.

Не отпусти от белых берегов,
от гальки, от летящих облаков,
от черных скал и леденца зари.
Не отпусти. Молчи. Не говори.

Слова скупы. И губы. И легки
над морем, словно ангелы, дымки —
они забытым кажутся нам сном.
А это — счастье.
Мы потом поймем.

* * *

Взгляни на ослепший от солнца мир,
в нем жить — беспредельный риск.
Взгляни: вот деревья, галька и мы —
дети соленых брызг.

И мы поднимаемся в полный рост
над хрупким стеклом волны,
вскипающей пеной до самых звезд,
любовью оглушены.

И море поёт. И летит листва,
как ветер морской, легка,
и шепчут загадочные слова
деревья и облака...

«Ты плачешь?». —
«Да нет, то соринка в глазу», —
и снова басит прибой.
С силой о камни бьется лазурь,
гальку неся с собой.

В этой прибрежной светлой волне
гаснет наш звездный час.
Эту лазурь сохрани на дне
теплых, как море, глаз.

* * *

Не позабыть мне тебя ни в какую!
Эти глаза, непослушную прядь...
Я без тебя, как ребенок, тоскую,
я без тебя постоянно рискую
сбиться с пути или цель потерять.

Утром и вечером, пусть непогода,
образ твой, не заслоненный стеной,
сквозь тополя, расстоянья и годы
в платице красном встаёт предо мной.

Длится тот миг, растворясь в минутах,
меркнет весна и дожди не секут.
Как водопад, обрывается круто
этот поток быстротечных секунд.

Время несётся, но время не властно
образ стереть твой сумятицей дня.
Строгая девочка в платице красном,
разве так можно, чтоб ты — без меня?!

* * *

Предвечерний туман занавесит померкшие дали.
От дождя и от ветра темнеет гранит балюстрад.
Это осень как будто. Её мы с тобою не ждали.
Птичьей вспугнутой стаей багряные листья летят.

Их потом соберут для гербария школьного дети.
И засохнут они среди пыльных бумажных листов.
И забудется всё. Но останется вечный свидетель,
громыхая прибоем о гальку своих берегов.

.

* * *

Сосульки рушатся с карнизов,
и ты опять спешишь ко мне,
как будто вновь бросая вызов
соседской вязкой болтовне.

Пусть не стихают пересуды,
пусть говорит про нас любой,
я счастлив, что сегодня буду
ещё мгновение с тобой.

И этот зимний свежий ветер,
твоей слезинки светлый след
дороже мне на этом свете,
чем даже этот самый свет.

* * *

Я и не думал, как это много.
Всё казалось обыденным:
мы бродили по рынку, покупали арбузы,
и ты иногда грустила,
когда наплывали густые южные сумерки
и волны монотонно дробились о камни.
И тогда ты была особенно ласковой
и нежной. Как море,
а море было прозрачным,
словно твои глаза.
Но я не думал тогда об этом,
я понял это после. В шторм,
когда остался один.

А теперь я не знаю,
сумела ли ты забыть
те утренние часы,
когда касаются тела
бесформенный студень медуз
и ласковые ладони волн?
И мои губы,
соленые от морской воды?

Скажи, что забыла,
мне, наверное, станет не так угрюмо
и не будут сниться эти безмятежные сны,
этот парус — белый с синим отливом, —
который все ближе и дальше.
Парус Надежды.

* * *

Не уходи! Не надо! Погоди!
Я в этот час не выдержу один —
прицеливаясь вечностью высот,
как револьвер, он холодит висок.

Не уходи! Так будет ночь длинна.
И встанут стены — не одна стена.
И улицы — безлунны и пусты.
И сникнут клёны, ветви опустив.

Не уходи! Скажи мне те слова,
чтоб, как от спирта, кругом голова,

чтобы глаза и волосы твои,
и губы твои видеть в забыты,

чтоб листьев плеск услышал я на миг,
чтоб оглушала, словно динамит,
и освежала, как воды струя,
твоя любовь, любимая моя.

Без компаса, карт и без лоций

* * *

Я — не патриций, не вельможный курций,
и радости хиреет мой побег.
Я хвост удачи поджимаю куцый,
я не достоин, кажется, побед.

Они — для тех, которых не ругали,
в честь их предназначается салют,
для них одних придёт в оригинале
особа та, что славою зовут.

А мне — пахать, мне выпадает снова
вернуться в хату нищую свою.
Но только я с упорством крепостного
за справедливость в мире восстаю.

И пусть порою в тучах нет просвета,
пусть грозы начинаются опять,
нет ничего дороже — только это:
за справедливость жизнь свою отдать.

* * *

Среди творцов перезагрузки
российской не было меня —
я жил, как будто мышь-норушка,
но независимость храня.

Удары отражал неловко
и не любил любую власть.
Но в том, наверно, мышеловка,
что сыр бесплатный не украсть.

Отправлен я в бессрочный аут,
поскольку выгнали взашей.
Тот сыр сейчас распределяют
лишь среди правильных мышей.

А мне достались только крохи
от неохватного куска

моей неправильной эпохи,
что не осмыслена пока.

* * *

Несёт нашу утлость навстречу седым бурунам,
с невидимым злом невозможно открыто бороться.
Где рапили скал, где их зубы, не ведомо нам —
мы в море безбрежном без компаса, карт и без лоций.

Плывём и не знаем, что ждёт и где будет ночлег,
штормит на душе, только в прошлое нет нам возврата.
Ещё есть надежда, что всё же причалит ковчег
к заветному берегу где-то вблизи Арарата.

И мир мы устроим какой-то, наверно, другой —
без ссор и вражды, без сосущей трясины болота,
где вспыхнет в глазах исцеляющий звёздный огонь
и сердце поёт, ожидая бескрайность полёта.

.

* * *

Опять направленно штормит,
и исчезает голубое,
и вновь беда, как мессершмидт,
проносится с протяжным воем.

Когда вокруг сплошной кошмар,
в тот ураган и водокруты
с размаха падает плашмя
душа, что не нашла приюта.

Она не знала благодать
и ничему была не рада.
Наверно, надо помолчать
и шапку снять, наверно, надо.

* * *

Я уже ни за что не мог
жить беспечной жизнью стрижа —
распустилась, как анемон,
ветровая моя душа.

Но умерив былую прыть,
закидоны сведя на нет,
я не мог себе объяснить,
отчего этот алый цвет

и атласный цветка покров,
нежность – та, что я расплескал...
Это кровь моя, это кровь —

и в тычинках, и в лепестках.

Будет путь мой в капканах ям,
пусть заносит на вираже,
сохранить бы назло врагам
эту нежность в моей душе.

И не нужно мне ничего —
только жизни пряный шербет,
тот небесный её огонь,
тот напитанный кровью цвет.

Спасибо за то, чего не было

* * *

Каждой веткой сада нам с тобой грозя,
бьет шрапнелью града первая гроза.
Разошлись подружки, а тебе не жаль.
На твои веснушки нынче урожай:
высыпали часто, даже возле скул...
Неужели счастье я тогда спугнул?
В гулком башне грома я и не постиг,
что исправить промах можно лишь в тот миг.

Он же не случится ни в каком году:
вспугнутая птица
не летит к гнезду.

* * *

Я соврал, что к тебе заглянул по пути —
битый час под дождем сиротливо я мок,
и к тебе я прощаться пришел, ты прости,
не сердись, но иначе я просто не мог.

Я, остриженный наголо, кепочку снял
(парикмахер меня округлил в аккурат),
но смотрела ты в сторону, мимо меня,
и спокойным был твой невнимательный взгляд.

Твои губы... Зачем они так холодны?
На лице твоём — бледность от частых ангин...
И, наверно, ты знала давно, что должны
мы расстаться вот так — ни друзья, ни враги.

Я молчал. Да и ты промолчала в ответ,
отвернувшись. Я хмур был, обижен и зол.
А когда уходил, ты смотрела мне вслед,
удивляясь тому, что к тебе я пришёл.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ДЕТСТВА

Сердилась мать: «Скорей за стол!
Остынет. Ужинать пора»,
но миром управлял Футбол —
самозабвенная Игра.

И мы — гонять хватало с кем,
пиная мяч, входили в раж.
И приходил я весь в песке
(я был ворот бессменный страж).

А Любка, стоя у окна,
на нас глазела день-деньской,
и грызла бублики она
с какой-то взрослою тоской.

И ночью старенький диван
заснуть никак мне не давал,
вертелся я и так, и сяк.
Я думал, что пройдет, пустяк.
Что в ней? Девчонка. Егоза.
Но снились мне ее глаза.

Никто не в силах был помочь.
Глаза её — водоворот.
Они синели, будто ночь,
когда в садах сирень цветёт.

От крыш пружинили дожди,
ворчал водопроводный кран.
И то, что будет впереди —
сплошной туман,
сплошной туман.

* * *

Спасибо за то, чего не было.
Малька не поймаетшь неводом.
Мы были смешны и серьезны.
«Сережа, прости, Сережа!».

Тоненькая, как веточка,
только что расцвела,
спасибо, девочка,
спасибо, что ты была

Но вот представился случай —
и нам узнать довелось:

мы так несхожи, что лучше,
что лучше, наверно, врозь.

Спасибо, что ты забыла.
Да разве что с нами было?!
И вот ты уходишь гордо,
дощатый скрипит настил.
И что-то сжимает горло,
как будто и впрямь любил.

* * *

На кленах — увядания печать,
и прах листвы дымится у крыльца.
Исход один: нельзя, увы, начать
то, что уже в преддверии конца.

Ни матери, ни сына, ни жены —
их след земной упрятала трава.
И только вязкий шепот тишины,
ее неразличимые слова.

Ну что ж, теперь, наверное, пора
собраться в путь, один остался шаг:
от этого октябрьского костра
не вспыхнет ярко твой родной очаг.

Ты только этот шорох не забудь,
чуть слышный шепот в сквозняке аллей.
Ну, вот и все. Ты выбрал этот путь.
Пока не поздно, слышишь, не жалеи!

* * *

Такой туманный монолог, такая долгая тирада.
Я все сказал. Я это смог. А ты не рада, ты не рада.
А ты винишь меня за то, что промолчать я был не в силах.
...Твое зеленое пальто среди оранжевых и синих
мелькает, сочно, как листва, апрельской зеленью опрятной.
И не вернуть мои слова,
как не вернуть тебя обратно.

* * *

Не поймешь, что это было: не весна и не зима,
что-то с неба моросило непонятное весьма.
Сонный поезд. Одурь скуки. Шорох медленных минут.
Там сердитые старухи даже спящие жуют.

Там с мучительным азартом, остограммившись слегка,
мой сосед играет в карты — в подкидного дурака...
И, покой тот нарушая, прямо в пекло тишины

ты ворвалась ветром мая, сквозняком развеяв сны.

Это было наваждением: ты сидела, так близка.
Это было днем рожденья тополиного листка.
И мелькала степь седая, поезд мчался под уклон,
рельсы длинные съедая, будто связку макарон.

И звенели чьи-то склянки, и не понял я тогда,
что на тихом полустанке мы расстались навсегда.
Ты шагнула в шум метели в предрассветный этот час —
в дни, что тускло пролетели,
словно поезд, мимо нас.

* * *

...её я встретил
там, у кафе, где ели чебуреки.
Она стояла и глядела робко,
и понял я, что эта наша встреча,
наверно, точно так же неизбежна,
как неизбежны кораблекрушенья,
как неизбежны в мире ураганы,
как, в общем, все на свете неизбежно.

И вышло так: в толпе, на пиво дужа,
отец увидел, как она смотрела,
и побежал, размахивая воблой.
Не помню, что он говорил...
Поодаль
стояли люди, но они молчали.
И он умолк. И поглядел сердито,
и улыбнулся вдруг, глаза сощуря
зеленые, мол, недоразуменье —
и только. И увел её куда-то.
И говорил ей что-то строгим тоном.

Я больше их не видел. Не искал их.
Я просто помнил эту нашу встречу.
Зачем мне больше?
Всё и так случилось.

* * *

Снова, как будто случайно,
осень покрасила охрой
купы старинного парка,
что шелестят над рекою.
Где этот домик у чайной,
девушка в платице мокром?
В солнечном свете неярком
я тебя помню такую.

Я б заглянул ненароком
в дом за штaketником синим,
где ты сидишь за вязаньем
рядом с рыбацкою сетью.
Знаю, ты скажешь с упреком:
«Где тебя столько носило?
Чтобы сдержать обещанье,
выдержал ты полстолетья».

Дрогнет предательски голос —
слишком нечаянна встреча,
слишком внезапно прощенье...
Скрипнут, закрывшись, ворота —
словно ударится голубь
в стёкла, когда уже нечем
жить, когда нет ощущения,
нет ощущения полёта.

...Лес вырастает стеною,
осень крадется неслышно.
Где ты? Куда же ты делась
с первыми грозами мая?
Я тебе двери открою —
желтую весточку вышли.
Я ни на что не надеюсь —
просто тебя вспоминаю.

* * *

Слова всех оправданий — ложь, они растают, словно дым,
и ты опять ко мне придешь воспоминанием моим,
бесшумным трепетом свечи, не удивляясь ничему,
и слов не надо, помолчи, я лучше так тебя пойму.

Мы будем вместе – до зари. Не уходи! Еще чуть-чуть.
И ничего не говори,
чтоб эту близость не спугнуть.

* * *

Как дальше жить — уму непостижимо.
Вновь в коммуналке щёлкает замок —
как будто распрямляется пружина,
разматывая памяти клубок.

И всё опять: прожекторы над морем,
их поздний свет в рассвете растворён.
...Висит в шкафу, изъеденное молью,
голубенькое платице твоё.

И ты глядишь сквозь время, как из дыма,
но сердце понапрасну не трави:
пусть будет, как любовь, неповторима
хотя бы просто память о любви.

Ни о чём не сожалей, я прошу тебя: не надо...

* * *

Пух слетает с тополей, замело аллеи сада...
Ни о чём не сожалей, я прошу тебя: не надо.
Не держи на сердце зло: ты свободна, словно птица.
Всё понятно. Всё прошло, ничего не повторится.

Завтра — новые дела. Всё, что было, ливнем смыло.
Но ты все-таки была и нечаянно любила.
Буду помнить эти дни, эти каменные плиты,
в окнах влажные огни — как зрачки в глазах раскрытых,
пляску бликов на стене и теней ночных усталость...
Что еще осталось мне?
Разве что-нибудь осталось?

* * *

Тот зимний день... Как холодно вокруг!
Не отогреть губами зябких рук,
и падают, произнесём едва,
холодными ледышками слова.

Тот зимний день... Ещё далёк апрель.
И женщина не сможет стать добрей.
Ей надоели тысячи забот.
Она сегодня встанет и уйдёт.

Уйдёт совсем. Ей надо жить в тепле.
И не оставит адрес на столе.
Она уедет подышать весной.
Ей будет легче — без меня, одной.

А я останусь. В мартовских снегах,
с улыбкою, замерзшей на губах,
в квартире, где глядит в окно луна
её глазами. Так же холодна.

* * *

Неужели такое бывает?
Забываю тебя, забываю.
Кто-то рядом. Совсем не такая.
Я ей тоже во всем потакаю,
я её никогда не ругаю,
понимаю, что это — другая.

Ну а ты далеко, за лесами...
Но порою мне кажется снова,
что такими твоими глазами
на меня она смотрит сурово.

Отзовись! Пусть утихнут метели,
зацветают пусть клевер и гречи,
пусть все наши большие потери
позабудутся сразу при встрече.

Я дождями всё чёрное смою,
ветром облачность в небе развею,
лишь другая бы стала другою,
стала б снова любимой моею.

* * *

«Ну, скажи хоть слово!». Ты в ответ, сердясь:
«Коль оборван провод, пропадает связь».
Виноват, впустили дни, что так черны.
Как мишени в тире, мы обречены.

Дулом темных улиц смотрит смертный час.
Кто же эти пули посылает в нас?
Мы ли? Наши клоны? Впрочем, цель ясна:
не беречь патроны для другого сна.

* * *

Может, хватит? Довольно! Я ветер послал за тобою —
он покажет дорогу. Ты вовсе ему не чужая.
Вспомни душный июль. Вспомни частые всхлипы прибоя —
это море, похоже, предчувствует: я уезжаю.

Может, это приснилось? Уж очень давно это было.
Сколько лет унеслось, как беспутная шумная стая?
И ты все позабыла? Неужто и вправду забыла?
Неужели, как призрак, другою, бесплотною стала?

Нет, я в это не верю. Я право имею на жалость.
Перелётные птицы — и те свои помнят становья.
Как же быть с этим морем, которое в память вплескалось,
и с деревьев зелёной, почти неприступной стеною?

Ночи тёплые тени нас шорохом лунным касались,
этот шорох скользил в тёмных скалах, в гранитном расколе.
И мы разве прощались? Нам это лишь только казалось.
Мы совсем не прощались — придумаешь тоже такое.

Сколько лет промелькнуло... И снова тот галечный берег.

Мускулистые волны его торпедируют мощно...
Ты прости, что я верил. Прости, до последнего верил.
Ты прости, что в тебя и сейчас еще верить мне можно.

В полиаге от зимы

* * *

Теперь и жалеть-то нечего,
что не суждено поправиться,
что рану души залечивал
я в тайной сосновой здравнице.

Меня, как бинтом, обматывал
лес птичьим целебным пением.
Но как я себя обманывал —
смертельно моё ранение!

Давление, вроде, снизилось,
но так же, как прежде, больно мне —
ведь это, прости, зависимость
почти что, как алкогольная.

И ясное небо хмурится,
и это не шибко здорово,
ведь я без тебя, как улица
с движением в одну сторону.

Но мне не хватило резвости
и трезвого настоящего,
чтоб ты не пропала без вести,
как эта листва хрустящая.

* * *

Ну вот и тепло повернуло на убыль
и речки зальделось кольцо:
теряет октябрь свою беличью шубу,
останется гол, как скелет.

Листва завершает безумство круженья —
дитя параллельных миров...
Я тоже теряю свои сбереженья
ещё не озвученных слов.

И жизнь не случится, как видно, вторая,
хоть есть в ней большая нужда,
и ветер судьбы те слова обрывает
и гонит уже в никуда.

* * *

Мне кажется, и даже я
вновь что-то потерял,
когда звучит адажио
на скрипке октября.

Когда, как пена, горкою
оно ввергает в шок.
Оно такое горькое —
как хины порошок.

Иду лесами лысыми...
Так много пней-калек,
и мир завален листьями,
наверно, до колен.

Мне кажется, что вроде я
змею в душе пригрел —
совсем не ту мелодию
расслышал в октябре.

Но не сказать ни слова, ни
ползвука, и теперь
вовек мне уготовано
молчание потерь.

* * *

Цветок луны расцвёл. Он, как пергамент, жёлт.
Причиной тому осенняя остылость.
Пора привыкнуть нам. Но снова сердце жжёт
печаль о тех цветах, что в клумбах загостились.

Печаль о том, что мы в полшага от зимы,
а может, от сумы и от тюрьмы в полшага.
Потеряно жильё на небесах, и мы
закончить можем жизнь в занюханной общаге.

Но я сюда попал, и этот мой транзит
окончиться грозит, скорей всего, скандалом,
ведь от меня судьбой потерянной разит,
таким вполне земным, портвейным перегаром.

Я не хочу, чтоб нос сломали кочергой,
но я не попрошу, наверное, у Бога
совсем не исполать, не нужно ничего,
мне б только ощутить забытую свободу.

* * *

Да здравствует непогода! Она прояснила всё,
и вместе с листвы потоком куда-то меня несёт.

Кленовой так много крови, мы что-то не то творим.
И слёзы, что я не пролил, текут по щекам твоим.

А в мире бескрайном этом, где воду сдувает с крыш,
так мало тепла и света —
одни ожидания лишь.

* * *

Ещё не время желтизне, и зелень сочная в укосе,
но только чудится, что мне на пятки наступает осень,
в прах превращая жизни часть, и август вот уже, на грани,
и не отсрочить этот час, когда распутица нагрывает.

Я словно бабочка порхал, лимиты дней перебирая...
Ну что ж, наверное, пора всё начинать с другого края.
Чтоб в стороне иной опять в других увязнуть расстояньях,
и что случится, — принимать
как неизбежность расставанья.

* * *

Мне только бы примоститься, я сон тот не отпугну,
где ночи большая птица проглатывает луну,
где всё ещё очень зыбко, где время наоборот,
где осени горькой скрипка о чём-то своём поёт.

Назло этой хищной ночи мотив тот душе открыт
на самой высокой ноте — пронзительной, словно крик.
Он вовсе и не в секрете, не свёрнут ещё ужом...
Наверное, это ветер, как эхо в доме чужом.

Но больше сомнений нету, что грусть не приходит зря,
когда разнеслась по свету
неласковость октября.

* * *

В дни, когда дождит и тошно
и когда томит усталость,
и когда о бабьем лете
и не надо бы мечтать,
как бы вновь поверить в то, что
чудо всё-таки случалось,
и теперь из мглы столетий
достучится к нам опять?

Всё меняется в природе.
Всё на свете обратимо.
Зацветают снова вишни,
а потом блажит пурга,
что-то навсегда уходит,

что-то вечной пантомимой
застывает неподвижно,
как на полюсе снега.

К заморочкам всяким этим
мы давно уже привыкли,
нам теперь ужасно часто
их даруют небеса.
Но назло всему на свете
этот выдох, этот выкрик
и наполненные счастьем
васильковые глаза.

Это в памяти занозой,
но в груди моей согрето,
это вовсе не напрасно,
и никто не опроверг
то, что всем назло прогнозам
надо верить в бабье лето,
и что будет снова ясно
после дождичка в четверг.

* * *

В клёново-берёзовой каше
из листьев я вязну опять,
и ветер в чахоточном кашле
мне силится что-то сказать.

Но я его слов не расслышу —
в них просто осенняя гнусь,
и я потоскую не слишком,
и я никуда не вернусь.

Зачем? Пусть швыряет болезни,
судьба мне вдогонку, в докид,
ещё моя молодость лезет,
как после дождя, сорняки.

Бездушные, словно чинуши,
вороны дивятся тому,
что я совершенно не нужен,
не нужен уже никому.

Но я не поддамся хворобе,
хотя и неправдой раним.
Я много чего проворонил,
но что-то ещё сохранил.

Зачем мне чужие заботы

спасать от воды и огня?
Но это незримое что-то
поднимет из лёжки меня.

И втянет в поток центробежный,
где слякоть и ветер ночной,
где осень, увы, неизбежна,
как мир, не придуманный мной

И больно вновь от боли той...

* * *

Это был сплошной дурдом: я проглатывал обман,
как глотает снег с дождём ненасытный океан.
Что-то брезжило на дне рюмки: рак или цирроз,
но хотелось верить мне то, что это – не серьёз.

И молил я об одном: сколько я ни проживу,
чтобы это было сном,
позабытым наяву.

* * *

Ты снова стала холодна
и смотришь зябкими глазами,
и говоришь мне, что стена
непониманья между нами.

Быть может, ты и не права,
но я с тобой совсем не спорю:
твои холодные слова —
как волны Баренцева моря.

В них нет намёка на весну,
и мне все чудится, что снова
я в них топориком тону
и нет жилета надувного...

* * *

Ни на что не сетуя, ни каясь,
позабыв дела и суету,
ты идешь, о камни спотыкаясь,
ты идешь и плачешь в темноту.

Свет луны — холодный отблеск стали,
мертвый камень равнодушно-стыл.
Может, что-то листья нашептали —
то, что я тебе не говорил?

* * *

Сонный парк. Белёная трава.
Тишины прощальные слова.
Нам уже ничем нельзя помочь.
Вот и всё. И ты уходишь в ночь

– Воротись!
Но ветер гасит крик.
Он доносит лишь качелей скрип,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.